

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

Аркадий и Борис
СТРУГАЦКИЕ

ОБИТАЕМЫЙ
ОСТРОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Серия «Лучшие книги братьев Стругацких»

Серийное оформление и компьютерный дизайн

В. Воронина

Стругацкий, Аркадий Натанович.

С87 Обитаемый остров : [фантастический роман] / Аркадий и Борис Стругацкие. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 416 с. — (Лучшие книги братьев Стругацких).

ISBN 978-5-17-118866-5

В 2114 году человечество создает новую космическую группу — Группу Свободного Поиска. Теперь любой человек, получив космический корабль и зарегистрировав маршрут, может отправиться в открытый космос. Тысячи людей устремляются к звездам... Романтический порыв неудержим, но страшные и жестокие испытания ожидают молодых волонтеров ГСП. И человечеству не раз придется столкнуться с последствиями эпохи бурного покорения космоса...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118866-5

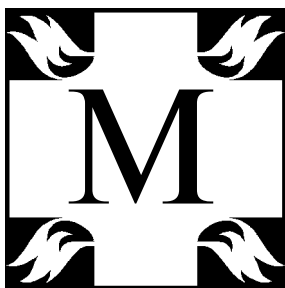
© А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Наследники, 2019
© Б. Стругацкий, комментарии. Наследники, 2019
© ООО «Издательство «АСТ», 2019

ОБИТАЕМЫЙ
ОСТРОВ

Часть первая РОБИНЗОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел в небо. Небо здесь было низкое и какое-то твердое, без этой легкомысленной прозрачности, намекающей на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, — настоящая библейская твердь, гладкая и непроницаемая. Твердь

эта, несомненно, опиралась на могучие плечи местного Атланта и равномерно фосфоресцировала. Максим поискал в зените дыру, пробитую кораблем, но дыры там не было — там расплывались только две большие черные кляксы, словно капли туши в воде. Максим распахнул люк настежь и соскочил в высокую сухую траву.

Воздух был горячий и густой, пахло пылью, старым железом, раздавленной зеленью, жизнью. Смертью тоже пахло, давней и непонятной. Трава была по пояс, неподалеку темнели заросли кустарника, торчали кое-как унылые кривоватые деревья. Было почти светло, как в яркую лунную ночь на Земле, но не было лунных теней и не было лунной туманной голубизны, все было серое, пыльное, плоское. Корабль стоял на дне огромной котловины с пологими склонами; местность вокруг заметно поднималась к размытому неясному горизонту, и это было странно, потому что где-то рядом текла река, большая и спокойная, текла на запад, вверх по склону котловины.

Максим обошел корабль, ведя ладонью по холодному, чуть влажному его боку. Он обнаружил следы ударов там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина под индикаторным кольцом — это когда корабль внезапно подбросило и завалило набок, так что киберпилот обиделся и Максиму пришлось спешно перехватить управление, и зазубрина возле правого зрачка — это десять секунд спустя, когда корабль положило на нос и он окривел. Максим снова посмотрел в зенит. Черные кляксы были теперь еле видны. Метеоритная атака в стратосфере, вероятность — ноль целых ноль-ноль... Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется...

Максим просунулся в кабину, переключил управление на авторемонт, задействовал экспресс-лабораторию и направился к реке. Приключение, конечно, но все равно — рутина. Скука. У нас в ГСП даже приключения рутинные. Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела.

Высокая ломкая трава шуршала и хрустела под ногами, колючие семена впивались в шорты. С зудящим

звоном налетела туча какой-то мошкары, потолклась перед лицом и отстала. Взрослые солидные люди в Группу Свободного Поиска не идут. У них свои взрослые солидные дела, и они знают, что все эти чужие планеты в сущности своей достаточно однообразны и утомительны. Однообразно-утомительны. Утомительно-однообразны... Конечно, если тебе двадцать лет, если ты ничего толком не умеешь, если ты толком не знаешь, что тебе хотелось бы уметь, если ты не научился еще ценить свое главное достояние — время, если у тебя нет и не предвидится каких-либо особенных талантов, если доминантой твоего существа в двадцать лет, как и десять лет назад, остается не голова, а руки да ноги, если ты настолько примитивен, что воображаешь, будто на неизвестных планетах можно отыскать некую драгоценность, невозможную на Земле, если, если, если... то тогда — конечно. Тогда бери каталог, раскрывай его на любой странице, ткни пальцем в любую строчку и лети себе. Открывай планету, называй ее собственным именем, определяй физические характеристики, сражайся с чудовищами, буде таковые найдутся, вступай в контакты, буде найдется с кем, робинзонь помаленьку, буде никого не обнаружишь... И не то чтобы все это напрасно. Тебя поблагодарят, тебе скажут, что ты внес посильный вклад, тебя вызовет для подробного разговора какой-нибудь видный специалист... Школьники, особенно отстающие и непременно младших классов, будут взирать на тебя с почтительностью, но Учитель при встрече спросит только: «Ты все еще в ГСП?» — и переведет разговор на другую тему, и лицо у него будет виноватым и печальным, потому что ответственность за то, что ты все еще в ГСП, он берет на себя, а отец скажет: «Гм...» — и неуверенно предложит тебе место лаборанта; а мама скажет: «Максик, но ведь ты неплохо рисовал в детстве...»; а Олег скажет: «Сколько можно?»

Хватит срамиться...»; а Дженни скажет: «Познакомься, это мой муж». И все будут правы, все, кроме тебя. И ты вернешься в Управление ГСП и, стараясь не глядеть на двух таких же остолопов, роющихся в каталогах у соседнего стеллажа, возьмешь очередной том, откроешь наугад страницу и ткнешь пальцем...

Прежде чем спуститься по обрыву к реке, Максим оглянулся. Позади топорщилась, распрямляясь, примятая им трава, чернели на фоне неба корявые деревья, и светился маленький кружок раскрытого люка. Все было очень привычно. Ну и ладно, сказал он себе. Ну и пусть... Хорошо бы найти цивилизацию — мощную, древнюю, мудрую. И человеческую... Он спустился к воде.

Река действительно была большая, медленная, и простым глазом было видно, как она спускается с востока и поднимается на запад. (Рефракция здесь, однако, чудовищная...) И видно было, что другой берег пологий и зарос густым тростником, а в километре вверх по течению торчат из воды какие-то столбы и кривые балки, перекошенные решетчатые фермы, мохнатые от вьющихся растений. Цивилизация, подумал Максим без особенного азарта. Вокруг чувствовалось много железа, и еще что-то чувствовалось, неприятное, душное, и когда Максим зачерпнул горстью воду, он понял, что это радиация, довольно сильная и зловредная. Река несла с востока радиоактивные вещества, и Максиму стало ясно, что проку от этой цивилизации будет мало, что это опять не то, что контакта лучше не затевать, а надо проделать стандартные анализы, раза два незаметно облететь планету по экватору и убираться восвояси, а на Земле передать материалы угрюмым, много повидавшим дядям из Совета галактической безопасности и поскорее забыть обо всем.

Он брезгливо отряхнул пальцы и вытер их о песок, потом присел на корточки, задумался. Он попытался

представить себе жителей этой планеты — вряд ли благополучной. Где-то за лесами был город, вряд ли благополучный город: грязные заводы, дряхлые реакторы, сбрасывающие в реку радиоактивные помои, некрасивые, дикие дома под железными крышами, много стен и мало окон, грязные промежутки между домами, заваленные отбросами и трупами домашних животных, большой ров вокруг города и подъемные мосты... Хотя нет, это было до реакторов. И люди. Он попытался представить себе этих людей, но не смог. Он знал только, что на них очень много надето, они были прямо-таки запакованы в толстую грубую материю, и у них были высокие белые воротнички, натирающие подбородок... Потом он увидел следы на песке.

Это были следы босых ног. Кто-то спустился с обрыва и ушел в реку. Кто-то с большими широкими ступнями, тяжелый, косолапый, неуклюжий — несомненно, гуманоид, но на ногах у него было по шесть пальцев. Постанывая и кряхтя, сполз с обрыва, проковылял по песку, с плеском погрузился в радиоактивные воды и, фыркая и храпя, поплыл на другой берег, в тростники. Не снимая высокого белого воротничка...

Яркая голубая вспышка озарила все вокруг, словно ударила молния, и сейчас же над обрывом загрохотало, зашипело, затрещало огненным треском. Максим вскочил. По обрыву сыпалась сухая земля, что-то с опасным визгом пронеслось в небе и упало посередине реки, подняв фонтан брызг вперемешку с белым паром. Максим торопливо побежал вверх по обрыву. Он уже знал, что случилось, только не понимал почему, и он не удивился, когда увидел на том месте, где только что стоял корабль, клубящийся столб раскаленного дыма, гигантским штопором уходящий в фосфоресцирующую небесную твердь. Корабль лопнул, лиловым светом полыхала керамитовая скорлупа, весело горела сухая трава

вокруг, пылал кустарник, и занимались дымными огоньками корявые деревья. Яростный жар бил в лицо, и Максим заслонился ладонью и попятился вдоль обрыва — на шаг, потом еще на шаг, потом еще и еще... Он пятился, не отрывая слезящихся глаз от этого жаркого факела великолепной красоты, сыплющего багровыми и зелеными искрами, от этого внезапного вулкана, от бессмысленного буйства распоясавшейся энергии.

Нет, отчего же... — потерянно думал он. Явилась большая обезьяна, видит — меня нет, забралась внутрь, подняла палубу — сам я не знаю, как это делается, но она сообразила, сообразительная такая была обезьяна, шестипалая, — подняла, значит, палубу... Что там в кораблях под палубой? Словом, нашла она аккумуляторы, взяла большой камень — и трах!.. Очень большой камень, тонны в три весом, — и с размаху... Здоровенная такая обезьяна... Доконала она все-таки мой корабль своими булыжниками — два раза в стратосфере и вот здесь... Удивительная история... Такого, кажется, еще не бывало. Что же мне, однако, теперь делать? Хватятся меня, конечно, скоро, но даже когда хватятся, то вряд ли подумают, что такое возможно: корабль погиб, а пилот цел... Что же теперь будет? Мама... Отец... Учитель...

Он повернулся спиной к пожару и пошел прочь. Он быстро шел вдоль реки; все вокруг было озарено красным светом; впереди металась, сокращаясь и вытягиваясь, его тень на траве. Справа начался лес, редкий, пахнувший прелью, трава сделалась мягкой и влажной. Две большие ночные птицы с шумом вырвались из-под ног и низко над водой потянули на ту сторону. Он мельком подумал, что огонь может нагнать его, и тогда придется уходить вплавь, и это будет малоприятно; но красный свет вдруг померк и погас совсем, и он понял, что противопожарные устройства, в отличие от

него, разобрались все-таки, что к чему, и выполнили свое назначение с присущей им тщательностью. Он живо представил себе закопченные, оплавившиеся баллоны, нелепо торчащие посреди горячих обломков, испускающие тяжелые облака пирофага и очень собой довольные...

Спокойствие, думал он. Главное — не пороть горячку. Время есть. Собственно говоря, у меня масса времени. Они могут искать меня до бесконечности: корабля нет, и найти меня невозможно. А пока они не поймут, что произошло, пока не убедятся окончательно, пока не будут полностью уверены, маме они ничего не сообщат... А я уж тут что-нибудь придумаю...

Он миновал небольшую прохладную топь, продрался сквозь кусты и оказался на дороге, на старой, потрескавшейся бетонной дороге, уходящей в лес. Он подошел к краю обрыва, ступая по бетонным плитам, и увидел ржавые, обросшие выюном фермы, остатки какого-то крупного решетчатого сооружения, полупогруженные в воду, а на той стороне — продолжение дороги, едва различимое под светящимся небом. По-видимому, здесь когда-то был мост. И по-видимому, этот мост кому-то мешал, и его свалили в реку, отчего он не стал ни красивее, ни удобнее. Максим сел на край обрыва и спустил ноги. Он обследовал себя изнутри, убедился, что горячки не порет, и стал размышлять.

Главное я нашел. Вот тебе дорога. Плохая дорога, грубая дорога и к тому же старинная дорога, но все-таки это дорога, а на всех обитаемых планетах дороги ведут к тем, кто их строил. Что мне нужно? Пищи мне не нужно. То есть я бы поел, но это работают дремучие инстинкты, которые мы сейчас подавим. Вода мне понадобится не раньше чем через сутки. Воздуху хватает, хотя я предпочел бы, чтобы в атмосфере было поменьше углекислоты и радиоактивной грязи. Так что ничего

низменного мне не нужно. А нужен мне небольшой, прямо скажем — примитивный нуль-передатчик со спиральным ходом. Что может быть проще примитивного нуль-передатчика? Только примитивный нуль-аккумулятор... Он зажмурился, и в памяти отчетливо проступила схема передатчика на позитронных эмиттерах. Будь у него детали, он собрал бы эту штуку в два счета, не раскрывая глаз. Он несколько раз мысленно проделал сборку, а когда раскрыл глаза, передатчика не было. И ничего не было. Робинзон, подумал он с некоторым даже интересом. Максим Крузо. Надо же — ничего у меня нет. Шорты без карманов и кеды. Но зато остров у меня — обитаемый... А раз остров обитаемый, значит, всегда остается надежда на примитивный нуль-передатчик. Он старательно думал о нуль-передатчике, но у него плохо получалось. Он все время видел маму, как ей сообщают: «Ваш сын пропал без вести», и какое у нее лицо, и как отец трет себе щеки и растерянно озирается, и как им холодно и пусто... Нет, сказал он себе. Об этом думать не разрешается. О чем угодно, только не об этом, иначе у меня ничего не получится. Приказываю и запрещаю. Приказываю не думать и запрещаю думать. Все. Он поднялся и пошел по дороге.

Лес, вначале робкий и редкий, понемногу смелел и подступал к дороге все ближе. Некоторые наглые молодые деревца взломали бетон и росли прямо на шоссе. Видимо, дороге было несколько десятков лет — во всяком случае, несколько десятков лет ею не пользовались. Лес по сторонам становился все выше, все гуще, все глуше, кое-где ветви деревьев переплетались над головой. Стало темно, то справа, то слева в чаще раздавались громкие гортанные возгласы. Что-то шевелилось там, шуршало, топотало. Один раз шагах в двадцати впереди кто-то приземистый и темный, пригнувшись, перебежал дорогу. Звенела мошкара. Максиму вдруг при-

шло в голову, что край настолько запущен и дик, что людей может не оказаться поблизости, что добираться до них придется несколько суток. Дремучие инстинкты пробудились и вновь напомнили о себе. Но Максим чувствовал, что здесь вокруг очень много живого мяса, что с голоду здесь не пропадешь, что все это вряд ли будет вкусно, но зато интересно будет поохотиться, и, поскольку о главном ему было думать запрещено, он стал вспоминать, как они охотились с Олегом и с егерем Адольфом — голыми руками, хитрость против хитрости, разум против инстинкта, сила против силы, трое суток не отставившись, гнать оленя через бурелом, настигнуть и повалить на землю, схватив за рога... Оленей здесь, возможно, и нет, но в том, что здешняя дичь съедобна, сомневаться не приходится: стоит задуматься, отвлечься, и мошकारа начинает неистово жрать, а как известно, съедобный на чужой планете с голоду не умрет... Недурно было бы здесь заблудиться и провести годик-другой, скитаясь по лесам. Завел бы себе приятеля — волка какого-нибудь или медведя, ходили бы мы с ним на охоту, беседовали бы... Надоело бы, конечно, в конце концов... да и не похоже, чтобы в этих лесах можно было бродить с приятностью: слишком много вокруг железа — дышать нечем... И потом, все-таки сначала нужно собрать ноль-передатчик...

Он остановился, прислушиваясь. Где-то в глубине чащи раздавался монотонный глухой рокот, и Максим вспомнил, что уже давно слышит этот рокот, но только сейчас обратил на него внимание. Это было не животное и не водопад — это был механизм, какая-то варварская машина. Она храпела, взрыкивала, скрежетала металлом и распространяла неприятные ржавые запахи. И она приближалась.

Максим пригнулся и, держась поближе к обочине, бесшумно побежал навстречу, а потом остановился, едва